

Смертная казнь: нужно ли ее вводить?

Эльгиз Поздняков

Взяться за эту непростую тему побудило меня выступление известного адвоката Генриха Резника, опубликованное на сайте радиостанции «Эхо Москвы» 4 апреля 2012 г. Оно было спровоцировано (по словам самого г-на Резника) приведением в исполнение смертного приговора в Белоруссии и убийством в Брянске девятимесячной Ани Шкапцовой ее родителями. В этой связи как сторонники, так и противники смертной казни в очередной раз выдвинули свои аргументы. Свои аргументы выдвинул и г-н Резник.

Адвокат начал с неоспоримого, на его взгляд, довода, что «большинство стран мира признали смертную казнь *бесчеловечным и унижающим достоинство личности наказанием* и прекратили ее применять» (курс. – Авт.).

Однако опросы общественного мнения рисуют иную картину: большинство граждан обычно выступает за сохранение или возврат смертной казни.

Г-н Резник возмущен тем, что *«смертную казнь стала разыгрывать как политическую карту наша “вождистская” партия, не упускающая возможности поиграть на предрассудках и страхах не самой просветленной части населения; случай детоубийства “переполнил чашу терпения” и “государству нужно немедленно приступить к лечению больного общества» возвратом к применению смертной казни»*.

ПОЗДНЯКОВ Эльгиз Абдулович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН. E-mail: elproznyakov@yandex.ru

Ключевые слова: право, закон, социальная функция наказания, смертная казнь, правосознание, оружие.

Г-на адвоката, относящего себя, надо полагать, к просветленной части общества, взяла, по его признанию, оторопь, когда в пользу смертной казни выступили Уполномоченный при Президенте России по правам ребенка Павел Астахов и глава комитета Госдумы по безопасности Ирина Яровая.

«Просьба к коллегам, – взмолился Г. Резник, – вооружите меня каким-нибудь историческим фактом, подтверждающим ваше суждение. Мне они неизвестны – напротив, я располагаю фактами противоположными».

Я хотя и не принадлежу к высокопоставленным оппонентам г-на Резника, все же попытаюсь удовлетворить его просьбу и вооружить кое-какими историческими и теоретическими фактами на заданную тему.

Начну с простого вопроса: в чем, собственно, состоит социальная суть уголовного наказания и в чем его функция?

Вопрос этот не так прост: над ним ломали голову многие философы, социологи и правоведы, так и не выработав единого мнения в оценке данного явления. В прежние времена социальная значимость наказания и его польза для общества не вызывали сомнения, и его мера определялась принципами, близкими к так называемым законам талиона – око за око, зуб за зуб.

Наиболее популярные современные теории исходят из того, что истинная цель наказания состоит в перевоспитании преступника, с тем чтобы он мог нормально жить в обществе. Смесь сентиментальных и утилитарных мотивов придала этому взгляду большую популярность (похоже, ее придерживается и г-н Резник).

Многие прекраснодушные социальные реформаторы, делая упор на воспитательном аспекте наказания, склонны игнорировать растущее число преступников, занимающихся своим делом с холодным расчетом и превративших правонарушение в профессию.

Сама же идея перевоспитания весьма сомнительна, если не сказать

больше: человек отнюдь не глина, из которой можно лепить все, что душе угодно, по воле чиновников благотворительных организаций или тюремной администрации. Это тем более справедливо, так как преступники, как правило, уже сформировавшиеся люди. Подавляющее их большинство образованы, многие из них религиозны, знают основы права, а некоторые из них большие в нем доки. Тем не менее при всех усилиях ни школьное, ни семейное воспитание, ни религия, ни влияние социального окружения, которое в целом осуждает правонарушения, не только не устраняют преступности, но делают ее все масштабнее и все более жестокой.

Никто в принципе не возражает против права общества защищать себя и принимать должные меры для предотвращения преступлений. Ставится под сомнение лишь эффективность наказания на основании бытующего убеждения, что оно не оказывает сдерживающего влияния ни на самого преступника, ни на окружающих.

Говоря словами известного итальянского философа права XVIII в. Чезаре Беккариа, задача правоохранительных органов – *«помешать преступнику в нанесении дальнейшего»*

ущерба обществу и предотвратить совершение подобного же преступления другими лицами».

Неплохо сказано, вопрос только в том, как это сделать?

Кстати, Беккариа был одним из принципиальных противников смертной казни на том основании, что та, по его мнению, оказывает меньшее воспитательное воздействие на людей, нежели длительное тюремное заключение. Довод Беккариа, однако, сомнителен прежде всего потому, что исходит из *ошибочной* посылки, что цель всякого наказания состоит в воспитании (или устрашении) либо самого виновного, либо других. Но это совсем не так.

Гуманисты и правозащитники всех мастей и оттенков считают, что смертная казнь – это варварство. Но то, что пожизненное заключение есть не только варварство, но плюс и мучительнейшая физическая и душевная пытка для человека до конца дней его, об этом скромно умалчивается. При этом ссылаются все на того же Беккариа как на высший авторитет, хотя в этом вопросе тот был настоящим изувером, считающим, что пожизненное заключение имеет большую воспитательную роль. Спросим: для кого? Не для тех же, в самом деле, кто до конца дней своих обречен жить в тюремной камере? Тем более не для тех, кто на свободе, поскольку каждый уверен, что с ним то не случится такого никогда.

Положения Беккариа долгое время оставались (и продолжают оставаться) руководящими для многих юристов, поскольку как бы отвечают здравому смыслу и нынешнему либеральному поветрию. Но беда в том, что, как показал опыт всех народов,

никакие наказания не мешают преступнику наносить дальнейший вред обществу и не предотвращают подобные же преступления со стороны других. Наоборот, преступления множатся, делаются более изощренными и жестокими по мере развития средств борьбы с ними, тюрьмы растут и полнятся, и, естественно, вновь и вновь встает вопрос о цели, назначении и эффективности уголовных наказаний.

Попытки решить проблему преступления и наказания без обращения к самому обществу, его культуре, уровню его развития и нравственному состоянию в каждый отдельно взятый период времени бесполезны, если не сказать, бессмысленны. Они идут от болезни, получившей название «*юридикализм*», т.е. стремления рассматривать самые сложные социальные явления с сугубо формальной, юридической точки зрения. Здесь могут быть только тупики или ошибочные решения, ценой которых, как обычно, является человеческая жизнь.

Начну с утверждения, что гарантий против правонарушений (в том числе самых жестоких) не предоставляет ни конституция, ни уголовные кодексы, ни страх перед наказанием. Единственная реальная сила, стоящая на страже закона, – это сам народ, но лишь в том случае, если он смотрит на право как на условие своего существования, а на оскорбление этого права как на смертельную обиду, наносимую ему самому.

Прочность и обеспеченность права зависят, таким образом, *исключительно от силы и энергии народного правосознания*. Вялое правосознание обуславливает собой непроч-

ность права, а здоровое, сильное правосознание служит основой его прочности. Имеются все основания для утверждения, что прочность, авторитет права есть дело самого народа; они не даются даром, а приобретаются путем трудной, подчас жертвенной борьбы.

Гегель писал: «...если общество недостаточно устойчиво, то наказание должно служить устрашающим примером, так как наказание само есть пример, направленный против преступления. ...Следовательно, самые суровые наказания отнюдь не являются несправедливостью, а находятся в соотношении с состоянием общества – один и тот же уголовный кодекс не может быть пригодным для всех времен».

Если применить гегелевские положения к состоянию нашего общества в данный момент, то можно сказать, что оно не только непрочное и нестабильно, но и внутренне дезинтегрировано, чему соответствует низкая степень коллективной солидарности и вялое правосознание. Это, в свою очередь, способствует, с одной стороны, количественному и качественному росту преступности, а с другой – безучастности к этому явлению со стороны общества.

В этих условиях применение смертной казни не только уместно, но и оправданно.

Вчерашняя общественная нетерпимость к антиобщественным явлениям сменилась почти полной апатией, и в такой атмосфере вялого и упадочного правосознания пышным цветом расцвели все виды преступности. Многие из них были прежде неведомы нам, и о них мы знали только понаслышке: рэкет, сращивание мафиозных и государственных

структур, жестокие убийства, включая детоубийства, и пр.

В такой обстановке борьба с преступностью со стороны призванных для этого органов обычными методами в принципе обречена на провал – в лучшем случае она будет вести к заполнению и без того переполненных тюрем без снижения уровня самой преступности.

Не следует забывать, что в мире преступности существует своя конкуренция и здесь, как нигде в другом месте, верен принцип *свято место пусто не бывает*. Это тем более так, если власть в государстве ослаблена, как сейчас, если общество лишилось нравственных ориентиров, если в нем потеряли общественную значимость, ценность и престижность профессии, связанные с производительным трудом. В этом случае сами обстоятельства как бы выдавливают значительную часть творческих, энергичных и работоспособных людей в сферу преступной деятельности.

Надо заметить, что рост общего благосостояния людей и распространение гуманных идей породили среди части общества негативное отношение к жестокостям карательной теории и практики. Возникла вера в эффективность методов воспитания и образования, которая давала многим надежду, что правонарушители могут быть перевоспитаны и станут полезными членами общества. Однако, как неумолимо свидетельствует практика, в большинстве случаев тюрьма не только не исправляет людей, но делает их хуже, чем они были до заключения.

Убежденность преступников в своей невинности общеизвестна.

Подтверждает этот факт и Ф.М.Достоевский.

Из своего четырехлетнего общения с каторжниками он делает такой вывод: «В продолжение нескольких лет я не видал между этими людьми ни малейшего признака раскаяния, ни малейшей тягостной думы о своем преступлении и что большая часть из них внутренне считает себя совершенно правыми. Это факт... Но ведь можно же было, во столько лет, хоть что-нибудь заметить, поймать, уловить в этих сердцах хоть какую-нибудь черту, которая бы свидетельствовала о внутренней тоске, о страдании. Но этого не было, положительно не было»¹.

Идея перевоспитания привлекательна лишь внешне, главным образом для всяких суетных дам из благодетельных обществ. Но за прекрасными порывами, желаниями и планами всегда скрывается безобразная действительность. Преступность продолжает расти и количественно, и качественно.

Сегодня это видно особенно наглядно. Несмотря, а вернее, благодаря прогрессу науки и техники, Интернету и прочим достижениям человеческого разума, расширению кругозора масс и роста их культуры, осужденные и отбывающие свой срок преступники считают себя, как правило, невинно пострадавшими, ничуть не раскаиваются в содеянном и продолжают обвинять во всем общество, власть, обстоятельства и т.д., но только не самих себя. Если же мы и видим порой раскаяние, то оно чаще всего показное. Такое раскаяние обычно наступает в первые минуты после того, как человек пойман с поличным и ему некуда деться, когда он охвачен страхом перед неминуемым наказанием. Тут он и слезу пустит, и в ноги бухнется, и прощения

у всех начнет просить... Однако по прошествии некоторого времени, независимо от того, будет ли человек оправдан или осужден, он меняется: не остается никаких следов раскаяния – он во всем прав, виноваты, как всегда, все остальные...

Большой почитатель Достоевского Ф.Ницше дал свое пояснение тому факту, который тот лишь описал: «Наказанию вменяют в заслугу то, что оно пробуждает в виновном чувство вины, в нем ищут доподлинный *instrumentum* той душевной реакции, которая именуется "нечистой совестью", "угрызениями совести". Но тем самым грешат против действительности и психологии даже по меркам сегодняшнего дня; молчу уж обо всем историческом и доисторическом прошлом человека!

Настоящие угрызения совести – нечто в высшей степени редкое как раз среди преступников и каторжников; тюрьмы, исправительные дома не инкубаторы для благоприятного разведения этого вида гложущего червя – в этом сходятся все добросовестные наблюдатели, которые во многих случаях крайне неохотно и вопреки собственным желаниям решаются на подобное суждение. По большому счету наказание закаляет и охлаждает; оно концентрирует; оно обостряет чувство отчуждения; оно усиливает сопротивляемость. Если случается, что оно надламывает энергию и приводит к жалкой прострации и самоуничтожению, то наверняка такой результат менее отраден, нежели средний эффект наказания с характерной для него сухой и мрачной серьезностью. Подумав же о предшествовавших человеческой истории тысячелетиях, можно сказать без колебаний, что развитие чувства вины сильнее всего было заторможено именно наказанием...»².

Ницше, без сомнения, прав, называя угрызения совести редким экзотическим цветком на Земле. Но, ставя вопрос, он не дает на него ответа.

Ответ и в самом деле не прост. В нем, собственно содержится чуть ли не вся психология и философия человека.

Достоевский справедливо отмечал, что в каждом человеке сидит убийца или палач. Иной никого не убивал, отмечал он, а страшнее любого убийцы. Этот самый «палач» скрытно сидит и в судьбе, и в прокуроре, и в адвокате, и в надзирателе, и в полицейском, даже в тех, кто выполняет самую что ни есть гуманную миссию, вроде адвоката, врача, учителя... Дайте сегодня послабление, и завтра же появится целая каста убийц, самостийных судей и палачей, расправляющихся с неудобными им людьми.

Случай с Аней Шкапцовой – это капля в море подобных преступлений.

А станица Кушевская? Или уже забыли?

Может быть, нам всем нужно уже сейчас, заранее, выступить против применения к ее «героям» высшей меры как антигуманной и несоответствующей европейским стандартам?

А помните известного Чикатило, зверски убившего в 80-е годы прошлого столетия 53 чел., включая детей? А ведь он имел высшее образование, семью, хорошую работу...

Может быть, и к нему тоже не стоило применять высшую меру?..

Ведь все это уже было и есть. И все это спокойно существует по сию пору там, куда закону недосуг заглянуть. Разрешите людям носить оружие, и они тут же начнут применять его по любому удобному поводу.

Кто-нибудь, кстати, подсчитал, сколько в России с того времени, как гражданам разрешили иметь травматическое оружие, выбито глаз и покалечено людей? А сколько уже убито?

У нас же некоторые господа адвокаты продолжают публично настаивать на разрешении иметь гражданам огнестрельное оружие – для самозащиты. А ведь им и психологам должна быть известна азбучная истина: само оружие провоцирует его применение, особенно у людей психически неуравновешенных или находящихся в состоянии алкогольного опьянения (майор Евсюков).

Прежде чем сказать о подлинной сути уголовного наказания (любого!), хотелось бы обратить внимание на широко распространенное ложное убеждение (особенно среди все тех же гуманистов и демократов), что общество – это одно, а вот государство – это уже нечто совсем другое и даже противоположное ему. Это убеждение мало того что ложно – оно опасно, ибо создает надуманное противоречие там, где его нет. И это имеет прямое отношение к данной теме.

Как-то телевидение устроило шоу из дискуссии на тему смертной казни и отношения к ней общественности.

Общественность реагировала на проблему вполне адекватно, т.е. в большинстве своем стояла за смертную казнь.

Поражала лишь точка зрения некоторых специалистов – профессоров и докторов права. Вирус демократии произвел в их сознании такую путаницу, что они не могли связать концы с концами в простых, казалось бы, вещах, позорно путаясь в них.

Запомнился один либерально настроенный генерал от юстиции. В ответ на прямой вопрос, как поступать с теми, кто совершает теракты, совершает насилия, он уклончиво промямлил,

что государство, мол, в любом случае не может уподобляться преступникам и умерщвлять своих подданных.

Должен заметить, что эта точка зрения весьма распространена. Ее главный порок в том, что государство рассматривается не как форма политической организации того самого общества, к которому апеллируют эти теоретики, а как нечто вроде Крона или Сатурна, пожирающего своих детей, невесть откуда свалившегося на голову общества и действующего исключительно во вред ему.

Специально для них небольшой ликбез: государство есть политическая организация общества и как таковое осуществляет волю этого общества через посредство представительных органов власти (парламентов), а также законов и специальных органов, следящих за их исполнением и гарантирующих их. Оно может исполнять свою функцию лучше или хуже – это уже другой вопрос, но в любом случае государство так или иначе выражает волю общества и служит ему.

Та же смертная казнь, как и любое другое наказание, осуществляется отнюдь не произвольно, не по чьей-то личной прихоти, а только по решению суда, являющегося (по крайней мере, в теории) самостоятельным и независимым от государственных структур органом. Суд же всегда в своих решениях отталкивается от существующих законов. Все это – азбука той самой демократии, от лица которой берутся выступать некоторые окончательно потерявшие ориентиры юристы и политики.

Что касается подлинного смысла наказания (включая смертную

казнь), то он вовсе не в том, чтобы просто наказать данного конкретного преступника, и не в том, чтобы отвлечь его от дальнейших проступков, тем более послужить уроком для остальных. Все это практически имеет нулевой эффект.

Истинная функция уголовного наказания – *удовлетворение оскорбленного нравственного чувства общества и тем самым сохранение и поддержание в нем общественной связи и самого общества как культурно-нравственной ценности.*

В этом смысле важно даже не само наказание, тем более что его реализация скрыта от глаз людей, а важен *открытый судебный процесс* и – главное – *публичный приговор.*

И тот и другой непосредственно связаны с общественными чувствами, именно они вызывают положительную или отрицательную реакцию общественности. Для общества в целом личность преступника – это лишь некая абстракция. Общество волнуется главным образом судебный приговор и его соответствие *силе оскорбления*, нанесенного общественной нравственности. Что дальше – это уже, как правило, за пределами его живого интереса.

Что касается самой преступности, особенно преступности в жестоких ее формах, то как же ей не быть, когда общество на глазах деградирует, притом не только в нравственном, но и в биологическом аспекте.

Все стало дозволено, все дестабилизировано, исчезли всякие запреты, вследствие чего в народе стали все чаще пробуждаться звериные инстинкты. Это явилось прямым ре-

результатом той чудовищной пропаганды, той «культуры», которая утвердилась у нас в стране с 90-х годов прошлого столетия и продолжает набирать силу.

На этом фоне легко вспыхивают как единичные случаи агрессии, так и агрессия массовая. Такая ситуация невольно порождает озлобление, жестокость, толкает многих людей на преступный путь. Здесь нужны не пустые lamentации, а внятная экономическая, трудовая и миграционная политика, придание деревням и малым городам статуса экономических категорий. Они буквально вымирают, живущие там люди никому не нужны, отношение к детям определяется в значительной степени их бесперспективностью: подростки вступают в беспорядочные сексуальные отношения, спиваются и к 15–16 годам превращаются в преступников или проституток. Кто может, бежит в большие города, где тоже практически нельзя устроиться на приличную работу..

А мы все бубним: «преступность растет», «растет число жестоких преступлений» – да как же им не расти в таких условиях?!

Вместо того чтобы принять срочные меры к выправлению положения в российской глубинке, наша Дума с подачи президента, второпях принимает новый **закон о партиях**. Как очевидно для всякого непредвзятого человека, закон этот прямо направлен на дестабилизацию и без того крайне неустойчивой политической обстановки в стране. **Его реализация даст полный простор общероссийской войне всех против всех.**

Нам мало того хаоса, который царит повсюду, нам нужно довести его

до абсурда, до той грани, после которой начнется форменный развал общества, развал страны.

Наше общество на глазах деградирует – деградирует от той самой свободы, что лучше несвободы.

Свобода же на деле отнюдь не в торжестве личного произвола.

Свобода – это не просто всякий выбор, а выбор всегда драматический, порой даже трагический; выбор между одной системой обязательств и другой, между одним нравственным долгом и другим, а вовсе не между долгом и отсутствием такового.

И глубоко прав был Ницше, утверждавший, что *высший тип* свободных людей надо искать там, где постоянно преодолевается наибольшее сопротивление: в пяти шагах от тирании, у самого порога опасности рабства.

По аналогии добавлю: *низший тип* свободных людей процветает именно при демократии. Когда свобода делается повседневной, обыденной вещью, она теряет свою подлинную ценность и превращается в свободу пасущейся в стаде овцы или подстерегающего ее волка.

Свобода – отнюдь не право на безответственность это тяжелый моральный груз. Свободный человек отвечает не только за себя, но и за свой коллектив, соплеменников, наследие предков, благополучие потомков, за формирующие его культуру идеи.

Вот когда в обществе будет понимание этих вещей, исчезнет необходимость и в смертной казни, сами собой отпадут вещи, ставшие предметом обсуждения в данной статье, и не придется наставлять некоторых вконец растерявшихся адвокатов.

Что касается вопроса, поставленного в заголовке, то лично я исхожу не из мнений потерявших ориентиры людей, а из гласа народа. *vox populi – vox dei* («Глас народа – глас Божий»).

В России, к примеру, в пользу смертной казни высказываются стабильно 70–80% граждан («не самой просветленной части населения», по словам г-на Резника).

Ответственным политикам не мешало бы почаще прислушиваться к этому гласу: народ правду чует.

Примечание

¹ Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома. Полн. собр. соч. в 30-ти томах. Л.: изд. «Наука», 1972. Т. 4. С. 15.

² Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели. М.: АСТ. 2004. С. 218–220.

 ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail: observer@ru.ru

На сайте Вы найдете информацию о печатных и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2012 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.